

ТЕМА НОМЕРА

ЭТНИЧНОСТЬ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.605

**«Разум в России, душа в Азербайджане»:
идентичности азербайджанских иммигрантов
в России**

Ссылка для цитирования: Эндрюшко А. А. «Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 72–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.605>

For citation: Endryushko, A. A. «Mind in Russia, the soul in Azerbaijan»: identities of Azerbaijani immigrants in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 72–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.605>



**Эндрюшко
Анна Александровна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

anna.endryushko@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [906278](https://elibrary.ru/906278)

«Разум в России, душа в Азербайджане»: идентичности азербайджанских иммигрантов в России

Аннотация. Проблемы адаптации иммигрантов¹ не перестают быть актуальными в последние десятилетия как в мире, так и в России. Переехавшие в места нового проживания перестают быть привязанными к каким-либо месту (локальности), нации (государственно-гражданской общности), культуре, что, естественно, имеет последствия для их самовосприятия и адаптации – создаются новые возможности и новые границы идентичностей. Прежде всего это касается гражданской, этнической и локальной идентичностей ввиду их сложного характера и соотношения в стране выхода и принимающей среде. Важность изучения идентичностей иммигрантов осознаётся как зарубежными, так и российскими исследователями и рассматривается как одна из частей их интеграционного ресурса. В статье рассматриваются соотношения российской идентичности, идентичности страны исхода, локальной и этнической идентичностей у азербайджанских иммигрантов в России. Анализируется готовность трансформации их самосознания как важного показателя интеграции в российском обществе. Эмпирическую базу исследования составили данные общероссийского опроса трудовых иммигрантов, проведённого НИУ ВШЭ и ЦЭПРИ в 19 субъектах Российской Федерации в 2017 г., а также данные полуструктурированных интервью с азербайджанскими иммигрантами в Москве, которые помогли раскрыть ситуативные факторы иерархии идентичностей, понять основы, на которых базируется их самосознание. Проанализировано влияние возраста, места проживания иммигрантов, уровня их образования, характера иммиграции и длительности проживания в России на структуру идентичностей. На основе глубинных интервью показано, что российская идентичность у азербайджанцев имеет государственно-гражданское основание, а у людей более старшего возраста базируется и на общем государственном прошлом. Делается вывод о транснациональном направлении идентичности азербайджанских иммигрантов с преобладанием этнической, которое позитивно сочетается с формирующимся чувством связи с Россией как у циркулярных, так и у долгосрочных иммигрантов. В сравнении с сопоставимыми исследованиями 2011 г. проанализированы улучшающиеся оценки азербайджанскими иммигрантами принимающей российской среды, что, на наш взгляд, создаёт благоприятную основу формирования у них позитивной российской идентичности.

Ключевые слова: азербайджанские иммигранты; российская, страновая, этническая, локальная идентичности; интеграция иммигрантов

¹ В данной работе понятие «иммигранты» используется в соответствии с определением, имеющимся в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утверждённой Указом Президента РФ 6 декабря 2018 г., где употреблён термин «иностранные граждане», т. е. иммигранты.

В последние десятилетия во всём мире актуализировались проблемы адаптации иммигрантов в местах нового проживания¹. Не случайно внимание привлекли выступления европейских политических лидеров – А. Меркель, Н. Саркози, Дж. Камерона. Проблема актуальна и в России. В Стратегии государственной национальной политики России до 2025 г.² она выделена в одно из основных направлений деятельности госорганов.

Страновая и культурная диспозиции, с которыми сталкиваются иммигранты при переезде, имеют масштабные последствия для их самовосприятия и адаптации, так как переехавшие перестают быть привязанными к каким-либо месту (локальности), нации (государственно-гражданской общности), культуре.

Подходы к адаптации иммигрантов в принимающем обществе получали новые интерпретации со времён социологов Чикагской школы (Р. Парк, У. Томас, Ф. Знанецкий) и понимания её как прямолинейного, однонаправленного процесса до современного в рамках концепции транснационализма [Glick Schiller et al. 1995; Foner 2000; Ваубцк 2003], теории гибкой аккультурации [Pieterse 2007], при которых человек может иметь две и более культурных, национальных идентичности и быть вовлечённым сразу в несколько социальных контекстов, а «гибкая аккультурация» предлагает множественные схемы идентификации и интеграции [Эндрюшко 2017: 63].

Европейские исследователи считают трансформацию идентичностей одной из важных составляющих процесса адаптации и интеграции иммигрантов. Так, Х. Эссер [Esser 2000] и Ф. Хекман [Hekmann 2015] в теории интеграции иммигрантов выделяют четыре аспекта, один из которых – идентификационный (наряду с культурным, структурным, социальным). Он «отражает эмоциональную связь между иммигрантами и принимающим обществом», а инструментами политики идентичности выступают связи между символами, людьми и вещами [Варшавер, Рочева 2016].

Р. Пеннинск предлагает три аналитических измерения интеграции – политико-правовой, социально-экономический, культурно-религиозный. Последний относится к «области восприятия иммигрантов и принимающего общества» и включает идентичности иммигрантов (главным образом, этническую) [Penninx 2019].

Процесс миграции служит катализатором рефлексивного мышления об идентичности, поскольку вместе с новыми географическими местами возникают и новые смыслы, формы занятости, практики и окру-

¹ По данным департамента по экономическим вопросам ООН число мигрантов мире составило в 2017 г. 258 млн чел. См.: The International Migration Report 2017. United Nations Department of economic and social affairs // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (Дата посещения: 20.04.2019).

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/#review> (Дата посещения: 14.08.2019).

жение – создаются новые возможности и новые границы для идентичностей. Возникают вопросы о том, как сохраняются старые и создаются новые идентичности, каково их сочетание и иерархия. В первую очередь, это касается гражданской, этнической и локальной идентичностей ввиду их сложного характера и соотношения в стране выхода и принимающей среде.

Понятие идентичности получило широкое распространение в социальных науках благодаря психологическим теориям (Э. Эриксон, Дж. Марсиа и др.), которые дают понимание идентичности как ощущения «себя», самоотождествления, формирующегося на протяжении всей жизни человека и являющегося динамическим процессом [Erikson 1995: 685]. Согласно работам Эриксона, идентичность строится на самоотождествлении и социально-культурной основе, а её изменение и уточнение происходит через разного рода кризисы, возникающие вследствие потери актуальности ранее сформированной идентичности [Эриксон 1996]. К таким кризисам относится и процесс миграции.

Согласно Дж. Миду и концепции символического интеракционизма, идентичность формируется через социальное окружение. Введённое им понятие Я-концепции, где «I» – то, как человек видит себя сам, а «Me» – то, как его видят другие, «обобщённый другой в человеке», говорит о личности как о «продукте» социального взаимодействия [Mead 1992]. Представления о собственной идентичности закрепляются через определённые символы, которые впоследствии выступают инструментами идентичности (например, язык). Интегрированность человека в различные социальные общности (как в ситуации миграции) может приводить к проблематизации идентичностей.

Наиболее полное развитие понятие идентичности получило в работах социальных психологов Г. Тэджфела и Дж. Тернера [Tajfel, Turner 1986] в рамках изучения процессов межгрупповых отношений, где идентичность выступает в качестве регулятора поведения людей в определённых условиях с учётом групповых и индивидуальных характеристик. К этому же направлению относятся работы известного антрополога Ф. Барта [Барт 2006], показавшего роль групп по закреплению и поддержанию культурных различий.

В отечественных исследованиях накоплено уже значительное число работ по социальной идентичности, в том числе её изменению в трансформирующемся обществе [Данилова, Игитханян и др. 1994; Данилова, Ядов 2004], становлению солидаризирующей российской гражданской идентичности [Дробижева 2008; Семененко 2008; Тишков 2003], заложены основы теоретико-методологических подходов к исследованию политических наций на постсоветском пространстве [Национализм в мировой... 2007; Семененко 2016; Паин 1995].

Несмотря на большой пласт работ по вопросам социальной, в том числе этнической, российской гражданской идентичности в российских исследованиях уделяется недостаточно внимания вопросам идентичности в связи с иммиграционными процессами. Здесь можно выделить

работы социологов Института социологии ФНИСЦ РАН [Мукомель 2018; Кузнецов 2007; Пешкова 2018], молодых исследователей из РАНХиГС, изучающих разные аспекты интеграции иммигрантов в России, включая идентификационную интеграцию [Варшавер, Рочева 2016], петербургских исследователей, занимающихся вопросами транснациональной миграции [Абашин 2017; Кивисто 2016; Резаев и др. 2013].

Важность изучения идентичности обуславливается восприятием самих иммигрантов принимающей страной либо как экономического ресурса, либо как постоянно проживающих граждан с ориентацией на интеграцию. Во втором случае идентификация иммигранта и ценностные стандарты, на которые он ориентируется, рассматриваются как одна из частей его интеграционного ресурса [Кузнецов 2007: 145].

В России, по оценкам специалистов, постоянно находится от 9,2 до 11,8 млн иностранных граждан [Мукомель: 2018]. Особенность российской ситуации в том, что основной поток иммигрантов складывается из выходцев стран СНГ, которые в недавнем прошлом составляли с ней единое государственное пространство, и единое историческое прошлое закладывает основы для общих идентичностей, чувства близости, сопричастности. В настоящее время с большинством этих стран Россия сотрудничает в разных сферах экономики и политики, создавая экономические союзы.

Непосредственное внимание мы уделяем иммигрантам из Азербайджана, имеющим длительную историю миграции с Россией и обладающим тесными родственными и дружескими связями в нашей стране. Потоки из Азербайджана остаются стабильными¹: в 2011–2017 гг. в РФ прибывало 20–25 тыс. человек ежегодно, а на её территории находится около 520 тыс. граждан Азербайджана².

Целью данной статьи является рассмотрение соотношения российской гражданской, страновой, локальной³ и этнической идентичностей азербайджанских иммигрантов, а также их готовность к трансформации самосознания как важного показателя интеграции в российском обществе.

Эмпирической базой работы были:

1. Данные всероссийского исследования трудовых иммигрантов НИУ ВШЭ, полученные на основе опроса (рук. В. И. Мукомель), проведённого весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ). Обследование проводилось в 19 субъектах РФ, опрашивались граждане стран СНГ и Грузии независимо от их правового статуса. Общий объём выборочной совокупности – 8577 респондентов. Азербайджанцев в выборке – 388 чел.

¹ По сравнению, например, с миграцией из Средней Азии, где цифры прибывших менялись с гораздо большей интенсивностью.

² Федеральная служба государственной статистики (2017). Миграция // Международная миграция. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (Дата посещения: 20.07.2019).

³ Рассматривается локальная идентичность как страны исхода, так и страны прибытия.

2. Данные полуструктурированных интервью с азербайджанскими иммигрантами в Москве, проведённые автором в январе–апреле 2019 г. (всего 15 интервью из числа респондентов количественного исследования). А также интервью с азербайджанцами, давно живущими в России и формально не относящимися к категории иммигранты (имеют российское гражданство), но имеющими миграционный опыт – таких людей в зарубежных исследованиях называют «лица с миграционным прошлым/фоном» (15 интервью).

Глубинные интервью в сочетании с количественными данными помогли раскрыть ситуативные факторы иерархии идентичностей азербайджанцев в России, понять основы, на которых базируется их самосознание, проанализировать возможности трансформации самосознания азербайджанцев в принимающем российском обществе.

В Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. с изменениями, внесёнными Указом Президента РФ в декабре 2018 г. «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹. Но приезжающие в нашу страну на постоянное или временное жительство иммигранты, конечно, понимают её как соотношение себя со страной в целом, с россиянами, поэтому в статье мы будем называть эту идентичность просто российской. А идентичность страны исхода (осознание себя гражданами Азербайджана) – страновой.

Структура и основания идентичностей азербайджанских иммигрантов в России

Иммигранты, особенно трудовые, нередко сталкиваются с трудностями, которые, естественно, вызывают напряжённость в отношениях с принимающим обществом – большинство из них чаще всего заняты низкоквалифицированным трудом, предполагающим нестандартные условия (долгий рабочий день, отсутствие социальных гарантий, зачастую неподобающие условия труда). Всё это может представлять угрозу для их позитивного самопонимания [McDowell 2009: 20].

В ходе опроса изучались идентичности иммигрантов из Азербайджана. Индикатором были ответы на вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Как часто Вы

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/#review> (Дата посещения: 14.08.2019).

можете сказать: «Это – мы» о людях, из перечисленных ниже групп? Как часто Вы чувствуете с ними единство, близость?». Предлагались варианты ответа: «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь ответить»¹.

Изучение структуры идентичностей иммигрантов из Азербайджана очевидно показывает важность помимо страновой и этнической – экономической идентичности как основного мотива иммиграции в Россию. Реже они чувствуют связь профессиональную, поколенческую, религиозную (см. рис. 1).



Рис. 1. Структура идентичностей иммигрантов из Азербайджана
(доля ответивших, что «часто» ощущают близость с ...), %
Figure 1. Structure of identities among Azerbaijani immigrants
(proportion of those who answered that they “often” sense a connection to...), %

На рисунке 1 представлены данные о респондентах, которые ощущают близость «часто». Эти данные меньше, чем о тех, кто ощущают такое единство в сумме «часто» и «иногда», но мы здесь и далее используем эти данные об идентичности, поскольку они означают более тесную связь с названными общностями в ситуации жизни в другой стране.

Структура и иерархия идентичностей иммигрантов зависит от уровня образования, территории выхода (город/село), возраста, мотивации иммиграции, длительности пребывания и других факторов.

Приехавшие из столицы и крупных городов чаще ощущают близость с гражданами России, чем выходцы из малых городов и сельской местности – 39–41% против 27–28% соответственно (см. рис. 2).

¹ Вопрос впервые был сформулирован Е. Н. Даниловой и В. А. Ядовым и в дальнейшем использовался в исследованиях Института социологии РАН.



Рис. 2. Российская и локальная идентичность азербайджанских иммигрантов в зависимости от территории выхода

(доля ответивших, что «часто» ощущают близость с ...), %

Figure 2. Russian and local identity of Azerbaijani immigrants depending on country of departure (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to...), %

Иммигранты из Азербайджана с неполным высшим и высшим образованием в большей мере чувствуют близость как со всеми гражданами России, так и с жителями города, села, где они проживают. Но и они же чувствуют более сильную связь с жителями большой и малой родины, людьми своей национальности (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Страновая азербайджанская, российская, локальная и этническая идентичности иммигрантов из Азербайджана в зависимости от уровня образования

(доля ответивших, что «часто» ощущают близость с...), %

Country Azerbaijani, Russian, local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants depending on education level (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to...), %

Образование	С гражданами Азербайджана	С жителями города, села в Азербайджане	Со всеми гражданами России	С жителями города, села в России, где Вы сейчас живете	С людьми вашей национальности
Высшее	67,2	68,8	45,3	45,3	68,8
Неполное высшее	57,1	57,1	42,9	57,1	42,9
Начальное и среднее профессиональное	55,3	50,5	31,7	28,8	46,9
Среднее общее	60,7	57,1	30,8	33	66,5
Начальное, неполное среднее	54,2	54,2	37,5	50	70,8

Более высокий уровень образования иммигрантов из Азербайджана в большей мере обуславливает их российское и локальное самовосприятие. Учитывая, что уровень их образования достаточно высок в сравнении с некоторыми иммигрантами из других стран [Эндрюшко 2018: 220], это может давать основу для позитивного развития чувства принадлежности в принимающей стране при благоприятных для этого условиях (таких, как хорошее отношение принимающего населения, лояльное миграционное законодательство и т. д.).

По результатам опроса не видно значимых различий в самосознании азербайджанцев разного возраста, но молодёжь (18–29 лет) чаще ассоциирует себя с малой родиной (63,6%), а люди более старшего возраста (старше 50 лет) – с большой, т. е. гражданами Азербайджана (см. таблицу 2). Этническая идентичность имеет практически одинаково важное значение для всех возрастов, чуть ниже она только у людей среднего возраста (40–49 лет).

Таблица 2 (Table 2)

Российская, страновая, локальная и этническая идентичности иммигрантов из Азербайджана разного возраста

(доля ответивших, что «часто» ощущают единство, близость с...), %

Russian, country, local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants of various ages (proportion of those who answered that they “often” sense a connection to, unity with...), %

Возраст, лет	С гражданами Азербайджана	С жителями Вашего города, села в Азербайджане	Со всеми жителями России	С жителями города, села в России, где Вы живёте	С людьми Вашей национальности
18–29	61,8	63,6	39,1	38,2	66,4
30–39	60,4	57,5	34,9	34,0	63,2
40–49	53,3	53,3	27,2	31,5	58,7
Старше 50	64,8	54,9	35,2	39,4	64,9

В ходе интервью ощущение связи с Россией у людей старшего возраста было более заметно выражено, потому как они, во-первых, (по словам самих информантов) «дети одной страны»; во-вторых, практически все из тех, с кем мы беседовали, всю сознательную жизнь провели в иммиграции в России, бывая в Азербайджане лишь короткими перерывами: «...Я родился в Советском Союзе, учился в Советском Союзе, я тут и работал на заводе... Поэтому Россия мне родная страна, мои самые счастливые годы прошли здесь, в России» (мужчина, 54 года, более 20 лет циркулярный иммигрант).

Значительную роль играет характер иммиграции – долгосрочный, циркулярный или краткосрочный, или же это впервые прибывшие иммигранты (см. таблицу 3).

Впервые прибывшие, естественно, чаще ощущают близость с гражданами страны выхода, чем долгосрочные и циркулярные иммигранты – 71,4 против 56,7% у долгосрочных и 62,4% у циркулярных. Схожие тенденции для этнической и локальной идентичностей страны исхода.

Российская идентичность здесь имеет не такие явные различия – часто ощущают близость с гражданами России 36,4% опрошенных азербайджанских иммигрантов, отнесённых к долгосрочным, 33,5% – к циркулярным, 32,1% – к впервые прибывшим. Между тем, среди россиян это 29–30%, в отдельных регионах страны до 50%.

Таблица 3 (Table 3)

Российская, страновая, локальная и этническая идентичности азербайджанских иммигрантов в зависимости от характера миграции, %
Russian, country, local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants depending on type of migration, %

Чувствуете близость с ...? (ответы «часто»)	Долгосрочные	Циркулярные и краткосрочные	Впервые прибывшие
Гражданами той страны, из которой Вы приехали	56,7	62,4	71,4
Жителями города, села той страны, из которой Вы приехали	52,4	62,4	64,3
С всеми гражданами России	36,4	33,5	32,1
Жителями города, села в России, где Вы сейчас живёте	38,5	34,7	32,1
Людьми Вашей национальности	59,4	67,6	71,4

Интервью с иммигрантами разной длительности пребывания и людьми с миграционным прошлым в целом позволили сделать вывод, что такие тенденции связаны и с тем, что молодые (они же чаще всего впервые прибывшие и живущие в России менее короткий срок) чаще тяготеют к стране исхода, так как в целом ещё допускают возможность уехать обратно в Азербайджан и менее уверены в будущем. Это проходило даже в интервью с иммигрантами «полуторного» поколения (теми, кого привезли в Россию родители). «...Я бы хотел, конечно, если бы в Азербайджане была б такая возможность, конечно, лучше было б там...» (мужчина, 25 лет, долгосрочный иммигрант около 10 лет); «Пока не могу сказать, вернусь ли в Азербайджан, пока работаю, а что будет дальше – посмотрим...» (мужчина, 28 лет, долгосрочный иммигрант около 10 лет).

Между тем, иммигранты старшего возраста, прожившие в России много лет, в воспоминаниях о годах начала иммиграции часто говорили, что изначально поездки планировались на «год-другой», но в итоге стали длительными (как циркулярными, так и с постоянным проживанием в России): «Я, когда ехал, думал на пару месяцев, потом думал на пару лет, в итоге 18 лет уже прошло, а я все ещё тут...» (мужчина, 44 года, циркулярный иммигрант более 18 лет); «В 96 приехал в Россию... Тогда думали временно всё это, другие времена были...» (мужчина, 49 лет, долгосрочный иммигрант более 20 лет).

Сейчас уже эти люди в большинстве своём не рассматривают для себя постоянной жизни на родине ввиду разных обстоятельств (экономических, социальных, культурных – привычки, менталитет и т. п.). Многие (в т. ч. молодые, которые изначально приехали в Россию с роди-

телями) рассказывали о неудачных попытках возвращения для жизни на родине. «...Я уже привык здесь, я туда еду – чужой там, чувствую уже чужим, не понимаю людей, не то, что не понимаю, политику их, мнения, вообще, образ жизни их, что самое важное для них, то есть всё по-другому, то есть здесь я более как бы адаптирован. Голова свежая здесь больше, чем там. Забита тем, что надо...» (мужчина, 33 года, долгосрочный иммигрант более 15 лет). «Я честно вам скажу, я переехал туда в 2004 г., продал тут всё своё, бизнес, надо было поехать там жить. Но я не мог там жить, жил полтора года, как бы знаете... я привык же здесь, не мог уже привыкнуть там, даже по климату не мог привыкнуть. Плюс по работе не то было, не по душе было, немножко здесь как бы своё уже чувствую я тут, чем там» (мужчина, 35 лет, долгосрочный иммигрант более 15 лет).

Азербайджан как страна для проживания рассматривается иммигрантами (как долгосрочными, так и циркулярными) в ряде случаев «только если на пенсии», а азербайджанцами с миграционными прошлым, имеющими российское гражданство – практически не рассматривается.

Подтверждая количественные данные, по глубинным интервью у азербайджанцев виден приоритет этнической идентичности над всеми другими идентичностями вне зависимости от возраста, пола и времени проживания в России. Даже те, кто живут в России более 30 лет, говорят: «Я в первую очередь азербайджанец», «мы все азербайджанцы, об этом нужно помнить, где бы ты ни находился».

Одним из важных маркеров этнической идентичности является язык общения. С одной стороны, для азербайджанцев характерно хорошее знание русского языка – 15,7% в количественном опросе сказали, что считают русский язык родным (в Азербайджане были и остаются русские школы), 60% считают, что им не нужно учить русский язык. Вероятно, потому, что, по мнению самих респондентов, они и так им владеют (интервьюерами оценено знание русского языка в 95% случаев от 3 до 5 по 5-балльной шкале).

С другой стороны, языком межнационального общения выступает как русский, так и азербайджанский. На работе на русском говорят 59,8% опрошенных, 33,2% – на русском и азербайджанском в равной степени. Правда, с друзьями и дома на русском говорят лишь по 20%, чаще иммигранты отвечают, что общение с друзьями происходит «на русском и азербайджанском в равной степени» (59%), дома – чаще на родном языке (41%) (см. рис. 3).

Интересно было наблюдать это в ходе проведения глубинных интервью, когда информантам приходилось отвечать на телефонные звонки или здороваться и разговаривать с проходившими мимо знакомыми в местах проведения интервью – каждая такая беседа происходила в большинстве своём на азербайджанском языке даже у тех, кто перед этим в ходе беседы утверждал, что на азербайджанском языке в России практически не говорит.



Рис. 3. Язык межнационального общения азербайджанских иммигрантов в России в разных сферах, 2017 г., %

Figure 3. Interethnic language of Azerbaijani immigrants in Russia in various fields, 2017, %

С течением жизни в России азербайджанским иммигрантам вне зависимости от возраста становится близка российская идентичность, но не в культурном, а скорее в государственно-гражданском её понимании – большинство информантов отмечали, что в России лучше соблюдается законность и порядок, чем в Азербайджане, гораздо ниже уровень коррупции (она есть, но не сравнима по масштабам со страной исхода), больше возможностей для ведения бизнеса и получения образования: «То, что я могу здесь сделать, там уже невозможно сделать, там не дадут возможности... В России тоже экономическая ситуация сложная, но...какая бы ни была сложная, намного лучше, чем у нас...» (мужчина, 26 лет, долгосрочный иммигрант более 10 лет); «...Там у нас права голоса нету, прав человека нету, если что-нибудь пикнешь – забирают. А тут [в России] свободно ходишь. Законы и правила мне здесь больше нравятся...» (женщина, 41 год, циркулярный иммигрант около 20 лет).

Иммигранты, не имеющие российского гражданства, но проживающие основную часть жизни здесь, в России, говорят, что чувствуют себя её гражданами, называя «второй родиной». Из них, по результатам опроса, 47,9% имеют в планах получение российского гражданства. Среди них 55,4% – долгосрочные иммигранты, 38,2% – циркулярные и краткосрочные, 6,5% – впервые прибывшие.

В зависимости от возраста (чем старше) планы на получение гражданства уменьшаются, но, как показали интервью, это связано не столько с каким-либо причинным отсутствием таких планов, а ско-

рее с пониманием «упущенного времени», а также представлением о сложности и высокой стоимости получения российского гражданства: *«Гражданство... у братьев всех есть, раньше получили, а сейчас...откуда у меня; во-первых, деньги, чтобы получить гражданство, столько денег много надо, у меня нету столько...»* (женщина, 41 год, циркулярный иммигрант около 20 лет); *«Я очень сожалею, что в своё время не стал гражданином, хоть у меня и паспорт; ... всё время стояла печать с пропиской российской; ... но я упустил время, как-то в своё время не подумал об этом...»* (мужчина, 54 года, более 20 лет циркулярный иммигрант).

В целом понятие «россиянин» в ходе глубинных интервью оказалось более близким, чем москвич(ка) (поскольку интервью проводились в Москве, то анализировалась локальная идентичность на примере московской). Москвичами азербайджанцы себя чувствуют реже, считая, что «москвич – это тот, кто родился в Москве» или по крайней мере тот, у кого есть в этом городе свое жильё, а к последним относились в основном не иммигранты, а азербайджанцы с миграционным прошлым, у которых как раз и имелась наиболее выраженная локальная (московская) идентичность: *«Москвич – это москвич, который родился здесь, вырос здесь. А я – проходящий уходящий...»* (мужчина 33 года, долгосрочный иммигрант более 15 лет); *«...Москвичом, чтобы почувствовать себя, нужно иметь жилплощадь за собою. Я не очень-то чувствую себя москвичом, но я чувствую себя россиянином...»* (мужчина, 42 года, более 10 лет циркулярный иммигрант). На наш взгляд, это связано ещё и с тем, что понятие «москвич» даже для самих россиян остаётся дискуссионным.

Транснациональные связи с родиной у проживающих в России азербайджанских иммигрантов относятся чаще к родителям, братьям, сёстрам и другим членам семьи, потому, как только 23,7% сказали, что оставили там жену/мужа, 28% – детей. 32,3% респондентов общаются с родственниками, проживающими в Азербайджане, каждый день или почти каждый день, 35% – 1–3 раза в неделю, а 49,5% опрошенных посылают на родину деньги (47% этого не делают).

В ходе интервью мы также спрашивали информантов, следят ли они за новостными событиями в Азербайджане и практически всегда получали положительный ответ, так же, как и за российскими событиями, с разницей в том, что за первыми следят в интернете и от знакомых, а за вторыми – в интернете и по телевизору.

Обобщая анализ данных количественного опроса и результаты глубинных интервью, можем сделать вывод о транснациональности и многосоставности идентичности азербайджанских иммигрантов в России¹.

Формирование у них российской идентичности происходит на основании двух факторов – историческом прошлом и государственно-гражданском состоянии в настоящем. Последнему в большой степени должны способствовать соответствующие условия в принимающем российском обществе – в первую очередь, благоприятное отношение принимающего населения и то, как принимающую среду оценивают сами азербайджанские мигранты.

¹ К таким же выводам приходили и другие уже упомянутые нами исследователи миграции (Абашин С. Н., Резаев А. В. и др.).

Оценка азербайджанскими иммигрантами принимающей российской среды

Формирование позитивной российской идентичности иммигрантами зависит и от их оценок принимающей среды, отношения к ним принимающего населения и межнациональных отношений в местах проживания.

Здесь мы для сравнения приводим данные исследования, проведённого в 2011 г.¹ по анкете, аналогичной исследованию 2017 г., данные которого используются в настоящей статье (исключение составляют вопросы, касающиеся идентичности, заданные в 2017 г. впервые), чтобы показать положительные тенденции, происходящие в оценке иммигрантами российской среды.

Большинство иммигрантов из Азербайджана (86,4%) оценивают межнациональные отношения в городе проживания как «доброжелательные и спокойные», напряжёнными и внутренне напряжёнными их видят не более 10% опрошенных (2017 г.).

Несмотря на то, что 53,9% согласны с мнением о том, что местные жители никогда не будут считать азербайджанцев своими, большинство опрошенных полагают, что местные жители хорошо относятся к мигрантам (80,2%), и этот показатель значительно вырос с 2011 г. – тогда так считали только 30,6%.

Это, по всей видимости, имеет связь с тем, что доля иммигрантов из Азербайджана, лично столкнувшихся с неприязненным отношением, существенно снизилась (а во многих ситуациях фактически сошла на нет) в 2017 по сравнению с 2011 гг. (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Доля азербайджанских иммигрантов, которые лично за последний год сталкивались с неприязненным отношением, 2011 и 2017 гг., %
Proportion of Azerbaijani immigrants who personally encountered hostility within the last year, 2011 and 2017, %

В этом году Вы лично (или члены Вашей семьи) сталкивались с неприязненным отношением при...	2011	2017
Поиске работы, обсуждении зарплаты и условий работы	27,2	4,4
Получении медицинской помощи	14,9	3,9
Контактах с полицией	35,1	13,4
В общении с людьми (на улице, с коллегами по работе, с соседями)	20,9	7,5
В школах, вузах, колледжах и других образовательных учреждениях	3,7	1,0
Поиске жилья	25,0	3,9
Оформлении документов в государственных органах	20,5	5,7
В др. ситуациях	1,1	0,8

¹ Всероссийское социологическое исследование трудовых мигрантов НИУ ВШЭ, проведенное в конце 2011 г. Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) (рук. В. И. Мукомель). Общий объем выборочной совокупности – 8499 мигрантов в 8 регионах России. Азербайджанцев в выборке – 270.

Основные жизненные ситуации, в которых сохранился уровень негативизма местного населения в 2017 г. – это контакты с полицией 13% (в 2011 г. – 35%); при общении с людьми 7,5% (2011 – 20,9%); 5,7% при оформлении документов в государственных учреждениях (2011 – 20,5%).

Сходные тенденции отмечались и информантами в ходе глубинных интервью. Они зачастую говорили об улучшении отношений между приезжими и местным населением, о снижении уровня неприязни, точнее, о снижении его проявлений, редким из которых называли обобщённо: *«Ну бывает говорят что-то плохое, очень редко»*; *«В глубине души у всех есть неприязнь, а на деле сейчас уже никто не скажет. Если даже скажет – ну это глупый человек, это невоспитанный человек только будет, его даже свои-то не поддержат... «Ты не русский» ... Ну и что из того, что я не русский?»* (мужчина, 26 лет, долгосрочный иммигрант более 10 лет); *«Ситуация, конечно, давно совсем другая... Когда маленький был, когда ещё не жили в Москве, я помню, приезжали и все знали – в метро азербайджанцам опасно, возле метро опасно..., мы приезжали и быстро ехали в аэропорт... Теперь живём в Москве, люди все спокойно ходят, никто ни о каком страхе даже не знает...»* (мужчина, 24 года, азербайджанец с миграционным прошлым).

Выводы

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы в отношении идентичностей мигрантов из Азербайджана в России.

Структура и иерархия идентичностей азербайджанских иммигрантов в большей мере зависит от территории выхода (город/село), уровня их образования, характера миграции и длительности проживания в нашей стране, в меньшей – от возраста.

Глубинные интервью показывают, что азербайджанцам близка российская идентичность скорее в её государственно-гражданском смысле. Но для людей старшего возраста она базируется и на памяти об общем историческом прошлом.

В целом наблюдается доминирование транснациональной идентичности. Преобладает этническая идентичность, которая сочетается с формирующимся чувством связи с Россией как у циркулярных, так и у долгосрочных иммигрантов. Справедливо это и для азербайджанцев с миграционным прошлым, уже имеющих российское гражданство; для них, конечно, в большей мере характерно российское самосознание, формирующееся в процессе длительного проживания в нашей стране.

Транснациональные связи поддерживаются через ежедневное и еженедельное (более 60%) общение с членами семьи и родственниками, проживающими в Азербайджане, а также через постоянное наблюдение за новостными событиями на родине (в основном, через интернет и рассказы родных, знакомых).

В сравнении с сопоставимыми исследованиями 2011 г. наблюдается значительное улучшение в оценках азербайджанскими иммигрантами межнациональных отношений в России, отношения к ним принимающего населения, а также уменьшением доли иммигрантов, лично сталкивающихся с неприязненным отношением. Всё это создаёт благоприятную основу формирования позитивной российской идентичности у азербайджанских иммигрантов.

Библиографический список

Абашин С. Н. 2017. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII. М.–СПб.: Нестор-История. С. 203–220.

Барт Ф. (ред.) 2006. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во. 198 с.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. 2016. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. № 14 (3). С. 315–330.

Данилова Е. Н., Игитханян Е. Д. и др. 1994. Социальная идентификация личности. Книга 1. М.: Институт социологии РАН. 154 с.

Данилова Е. Н., Ядов В. А. 2004. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. № 10. С. 20–30.

Дробижева Л. М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214–228.

Кивисто П. 2016. Теперь мы все действительно мультикультуралисты // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX. № 2. С. 19–45.

Кузнецов И. М. 2007. Вариативность идентификации мигрантов в российских локальных социумах // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. К.: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН. С. 143–159.

Мукомель В. И. 2018. Молдавские мигранты в России: отношение к диаспорным институциям в контексте структуры идентичностей // Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения. Материалы международной научной конференции. Кишинэу, 21 декабря 2017 года. С. 269–277.

Национализм в мировой истории / Под ред. Тишкова В. А. и др. М.: Наука, 2007. 601 с.

Паин Э. А. 1995. Становление государственной независимости и национальной консолидации России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России: Социология, этнология. Т. 4. № 1. С. 58–90.

Пешкова В. М. 2018. Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. № 9. С. 167–172.

Резаев А. В., Саначин А. А., Лисицын П. П. 2013. Повседневные практики транснациональных трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге и Афинах // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Вып. 3. С. 150–161.

Семененко И. С. 2008. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. № 3. С. 80–96.

Семененко И. С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–28.

Тишков В. А. 2003. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 544 с.

Эндрюшко А. А. 2017. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. № 23. С. 45–70. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2017_23/Endryushko.pdf (Дата посещения: 05.08.2019).

Эндрюшко А. А. 2018. Социально-экономический потенциал азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в 2014–2017 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 216–233.

Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М.: Прогресс. 344 с.

Baubцck R. 2003. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism. *International Migration Review*. № 37 (3). P. 700–723.

Erikson, E. 1995. *A Way of Looking at Things. Selected Papers* / ed. by S. Schlein. N.Y: Norton&Company. 757 p.

Esser H. 2000. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft*. Frankfurt-New York: Campus. 511 p.

Foner N. 2000. *From Ellis Island to JFK: New York's Two Great Waves of Immigration*. New Haven: Yale University Press. 334 p.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. 1995. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. № 68 (1). P. 48–63.

Heckmann F. 2015. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Heidelberg: Springer VS. 309 p.

McDowell L. 2009. Old and new European economic migrants: Whiteness and managed migration policies // *Journal of Ethic and Migration Studies*. № 35 (1). P. 19–36.

Mead G. H. 1992. *Mind Self and Society: from the Standpoint of a social behaviorist* / Ed. and introduction by C. W. Morris. Chicago; London: The University of Chicago Press. 401 p.

Penninx R. 2019. Problems of and solutions for the study of immigrant integration // *Comparative Migration Studies*. Vol. 7 (1). P. 7–23.

Pieterse J. N. 2007. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalizations. March. Vol. 4. № 1. P. 65–79.

Tajfel H., Turner J. 1986. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Worchel S., Austin W. G., eds., Psychology of Intergroup Relation. Hall Publishers, Chicago. P. 7–24.

Статья поступила: 06.09.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.605

“Mind in Russia, Soul in Azerbaijan”: Identities of Azerbaijani Immigrants in Russia

Anna A. Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: anna.endryushko@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1358-1145

For citation: Endryushko, A. A. «Mind in Russia, the soul in Azerbaijan»: identities of Azerbaijani immigrants in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 72–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.605>

Abstract. Over the last few decades, immigrant adaptation issues have continued to bear relevance both in Russia and around the world. Those who relocated to new places of residence no longer attach themselves to one place (locale), nation (state-civil community), or culture, which, of course, takes a toll on their self-perception and adaptation – this creates new opportunity and new dimensions in terms of identity. This mostly applies to civil, ethnic and local identities, due to their complex nature and their proportion between the country of origin and host environment. Both foreign and Russian researchers recognize the importance of studying immigrant identities, which is regarded as one of the components of their capacity for integration. This article considers the proportion of Russian identity, identity of country of origin, as well as local and ethnic identities of Azerbaijani immigrants living in Russia. Their readiness to transform their self-consciousness, with it being a key indicator of their integration into Russian society, is analyzed. This study’s empirical basis consists of data from an all-Russian survey among labor immigrants, conducted by the HSE and CEPRS in 19 Russian regions in 2017, as well as data from semi-structured interviews with Azerbaijani immigrants living in Moscow, which helped identify situational factors in their hierarchy of identities and understand the foundations on which their self-consciousness is based. Analyzed is how immigrants’ identity structure is influenced by age and place of residence, education level, type of immigration and duration of stay in Russia. It was revealed, based on in-depth interviews, that Russian identity among Azerbaijanis is based around a state-civil foundation, while in the case of elder generations it is based around their having been a common nation in the past. A conclusion is drawn indicating a transnational direction in Azerbaijani immigrants’ identity, with ethnic identity prevailing, which fits in favorably with a developing sense of connection to Russia both among circular and long-term migrants. In relation to comparable studies conducted in 2011, analyzed are the increasingly more positive assessments of the host Russian environment by Azerbaijani immigrants, which, in our estimation, creates a favorable foundation for developing a positive Russian identity among them.

Keywords: Azerbaijani immigrants, Russian identity, country identity, ethnic identity, local identity, integration of migrants.

References

Abashin S.N. Integration vs. transnationalism: migration strategies of Central Asians. In: Puti Rossii. Voyna i mir = Ways of Russia. War and Peace. Vol. XXII. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017: 203–220 (In Russ.).

Ethnic Groups and Social Borders: The Social Organization of Cultural Differences. Ed. by F. Bart. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006: 198 (In Russ.).

Baubцck R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism. *International Migration Review*, 2003; 37(3): 700–723.

Danilova E. N., Igithanian E. D., Chernysh M. F., Klimova S. G., Kozyreva M., Kozyrev Y.N., Kozlova T.Z. Social identity. Book 1. Moscow: IS RAS publ., 1994: 154 (In Russ.).

Danilova E.N., Yadov V.A. Unstable social identity as a norm in modern societies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004; 10: 20–30 (In Russ.).

Drobizheva L.M. National-civic and ethnic identity: problems of positive compatibility. In: *Rossija reformirujushhajasja = Reforming Russia*. Release 7. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: IS RAS publ., 2008: 214–228 (In Russ.).

Endryushko A.A. Theoretical approaches towards examining the adaptation of migrants to the host society: foreign practices. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017; 23: 45–70 (In Russ.).

Endryushko A.A. Social and economic potential of Azerbaijani migrants who entered Russia in 2014–2017. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social change*, 2018; 6: 216–233 (In Russ.).

Ericsson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress, 1996: 344 (In Russ.).

Ericsson E. *A Way of Looking at Things. Selected Papers*. New York: Norton&Company, 1995: 757.

Esser H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft*. Frankfurt-New York: Campus, 2000: 511 (In German).

Foner N. *From Ellis Island to JFK: New York's Two Great Waves of Immigration*. New Haven: Yale University Press, 2000: 334.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*, 1995; 68(1): 48–63.

Heckmann F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Heidelberg: Springer VS, 2015: 309 (In German).

Kivisto: Now we are all truly multiculturalists. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2016; XIX; 2: 19–45 (In Russ.).

Kuznetsov I.M. Variability of identification of migrants in Russian local societies. In: *Nacional'no-grazhdanskie identichnosti i tolerantnost'. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformacii = National-civic identities and tolerance. Experience of Russia and Ukraine during the transformation period*. Ed. by L. Drobizheva, E. Golovaha. Moscow, Kiev: IS NAN Ukraine, IS RAS, 2007: 145 (In Russ.).

McDowell L. Old and new European economic migrants: Whiteness and managed migration policies. *Journal of Ethic and Migration Studies*, 2009; 35 (1): 19–36.

Mead G.H. *Mind Self and Society: from the Standpoint of a social behaviorist*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992: 401.

Mukomel V. I. Moldovan migrants in Russia: attitude to diaspora institutions in the context of the structure of identities. In: *Diasporas in the modern world: regional context and potential for sustainable development of the country of origin. Materials of the international scientific conference*. Kishinau, 2018: 269–277 (In Russ.).

Nationalism in World History. Ed. by V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman Moscow: Nauka, 2007: 601 (In Russ.).

On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025 (As amended by the Decree of the President of the Russian Federation of December 6, 2018, no 703). Garant.ru Web portal. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/#review> [accessed: 14.08.2019].

Pain E. A. The formation of state independence and national consolidation of Russia: problems, trends, alternatives. *Mir Rossii: Sociologija, etnologija = Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, 1995; 4; 1: 58–90 (in Russ.).

Penninx R. Problems of and solutions for the study of immigrant integration. *Comparative Migration Studies*, 2019; vol.7 (1): 7–23.

Peshkova V.M. The material world of migrants in the context of transnational migration in Russia. *Vlast = Power*, 2018; 9: 167–172 (In Russ.).

Pieterse J.N. *Global Multiculture, Flexible Acculturation*. *Globalizations*, 2007; 4, 1: 65–79.

Rezaev A.V., Sanachin A.A., Lisicyn P.P. Daily practices of transnational labor migrants in St. Petersburg and Athens. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 12, 2013; 3: 150–161 (In Russ.).

Semenenko I.S. Metamorphoses of European Identity. Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political Studies, 2008; 3: 80–96 (In Russ.).

Semenenko I.S. Politics of identity and identity in politics: ethno-national perspectives, the European context. Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political Studies, 2016; 4: 8–28 (In Russ.).

Taifel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Psychology of Intergroup Relation. Ed. by S. Worchel W.G. Austin. Chicago: Hall Publishers, 1986: 7–24.

Tishkov V.A. Requiem for Ethnicity: Research on Socio-Cultural Anthropology. Moscow: Nauka, 2003: 544 (In Russ.).

Varshaver E.A. Rocheva A.L. Migrant integration: what is it and what role does the state play in its implementation. Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki = Journal of Social Policy Studies, 2016; 14 (3): 315–330 (In Russ.).

The article was submitted on: September 06.2019